

И.Н. Гоян, О.Ф. Терешкун

*Прикарпатский национальный университет им. Василия Стефаника
(г. Ивано-Франковск, Украина)*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Аннотация. Исследование направлено на выявление современных тенденций в развитии и функционировании феномена постнеклассической рациональности, в частности ее социального аспекта. С помощью функционального подхода удалось раскрыть функционирование постнеклассической рациональности в рамках постиндустриального развития, а также тесную связь разных форм рациональности как элементов постнеклассической рациональности.

Ключевые слова: рациональность, научная рациональность, техническая рациональность, технологическая рациональность, социальная рациональность, постнеклассическая рациональность.

Igor Goian, Oksana Tereshkun

Vasiliy Stefanyk Precarpathian National University (Ivano-Frankovsk, Ukraine)

FEATURES FUNCTIONING OF POSTNONCLASSICAL RATIONALITY

Abstract. The study aims to identify current trends in the development and operation of the phenomenon of postnonclassical rationality, in particular its social dimension. Using a functional approach failed to reveal the functioning postnonclassical rationality as part of post-industrial development as well as the close relationship of different forms of rationality as elements postnonclassical rationality.

Key words: rationality, scientific rationality, technical rationality, technological rationality, social rationality, postnonclassical rationality.

Актуальным и плодотворным ныне является исследование рациональности как феномена западноевропейской культуры, изменения ее исторических типов, появления новых форм рациональности. Проблема рациональности неоднократно обсуждалась научным сообществом. В философии науки поднимались вопросы критериев рациональности, систематизации и типологизации рациональности и т. д. В сфере культуры определялись особенности рациональности в разных типах культур, соотношения рационального и иррационального, взаимосвязь рациональности и ценностей и т. д. Не менее важным является социальный аспект рациональности, который проявляется в рационализации всех сфер жизнедеятельности общества и индивидуума. В широкой экспликации рациональности определяют разные ее типы (классический, неклассиче-

ский, постнеклассический) в качестве своеобразных мироориентации, миропознания и мироотношения.

Повышенный интерес к проблеме рациональности в XXI в. вызван тем, что вопрос рациональности является не только чисто теоретическим, но и жизненно практическим. Индустриальная и постиндустриальная цивилизации – это цивилизации рациональные. Ключевую роль в них играет наука, которая стимулирует развитие техники и новых технологий. Именно поэтому актуальность проблемы рациональности связана с возрастающей обеспокоенностью по поводу дальнейшей судьбы современной цивилизации, основу которой составляют наука, техника и технология. Ученым предстоит определить влияние проявлений рациональности на формирование целенаправленной, конструктивной деятельности человека, изменчивый характер рациональности, разных ее типов и форм.

М. Вебер одним из первых попытался с помощью феномена рациональности исследовать обратное влияние научно-технического прогресса на институциональные рамки общества, которое находится в процессе модернизации. Г. Маркузе, исследуя индустриальное общество, раскрыл политическое содержание «технического разума», когда техническая рациональность, будучи воплощенной в системах целерационального действия, расширяется до жизненной формы, до исторической тотальности жизненного мира. Продолжил исследование рациональности Ю. Хабермас, сделав исторические обобщения идей своих предшественников. Философ считает науку и технику идеологией современной цивилизации, сущность которой заключается в том, чтобы завуалировать самопонимание общества от системы связей коммуникативного действия и понятий символически опосредованной интеракции с целью замены их любыми научными моделями, например, «человек-машина», «человек-компьютер» и т. д. [15, с. 89–90, 101].

Представители Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас), анализируя индустриальное и постиндустриальное общество, заметили, что «рациональность» выступает как определенная форма непризнанного политического господства то ли над природой, то ли над человеком и обществом. Наука и техника – это целерациональное действие, которое по своей сущности и функции является осуществлением контроля. И действительно, преимущественные формы современного общественного контроля являются технологическими.

Критичность постмодернизма по поводу отношений техногенного мира и человека состояла в разоблачении власти мифологий Нового времени и современных рационалистических мифологий, демонстрации проекта Модерна в качестве проекта рационального покорения не только природы, но и человека путем рационального контроля над человеком. Технократический дискурс применяется как способ реализации этого проекта. В рамках постмодернизма, который тоже основывается на ценностях

либеральной техногенной цивилизации, было предложено освободить культуру и индивидуума от рационалистических обусловленностей классического типа рациональности, заменив его новым типом рациональности. Например, П. Фейерабенд, в целом примкнув к критическому рационализму, сформировал концепцию «методологического анархизма», в которой утверждается, что научная рациональность не является наилучшей и тем более единственной формой рациональности. Обосновав «коммуникативную рациональность», Ю. Хабермас направил свои усилия на поиски новой рациональности не в сферу науки и техники, а в сферу интеракции.

В современной исследовательской литературе наблюдается философско-методологический анализ изменения типов рациональности в контексте разных социально-экономических эпох и утверждения новых форм рациональности. Так, на изменчивый характер рациональности и «развитие разных типов рациональности как исторических форм разума» обратил внимание И. Фарман [13, с. 264]. Анализируя исследования зарубежных философов, П. Гайденко приходит к выводу, что у них наметилась тенденция детализации отдельных проявлений рациональности [5, с. 14–15]. Исследовательница обосновывает необходимость систематизации типов рациональности, которую она осуществляет на основе исторических эпох (античная, новоевропейская) [4, с. 30]. П. Гайденко утверждает, что кризис научной рациональности связан с рамками техногенной цивилизации: «От научной рациональности, понятой как техника овладения природой, необходимо вновь обратиться к разуму – как к той высшей человеческой способности, которая позволяет понимать – понимать смысловую связь не только человеческих действий и душевных движений, но и явлений природы, взятых в их целостности, в их единстве: в их живой связи. ...человечеству сегодня необходимо вернуть себе способность понимать природу. А это и значит – от слишком узко понятой научной рациональности перейти на точку зрения философского разума» [6, с. 25]. Идею становления единства философской и научной рациональности в классическом, неклассическом и постнеклассическом этапах развития философии и науки обосновывает А. Степанищев [10].

В. Степин предложил более современную классификацию научной рациональности в рамках классической, неклассической и постнеклассической философии, принимая во внимание морально-ценностное содержание рациональности [12]. Философ исследует характерные признаки постнеклассической рациональности в современном социокультурном контексте, указывая на «новый тип взаимодействия социально-гуманитарных и естественных наук», в котором четкая грань между естественными, техническими, социальными и гуманитарными науками сегодня стирается [11, с. 282]. В. Беляев исследует экзистенциальные контексты актуализации рациональности разных ее типов [2].

Отечественный исследователь С. Бескаравайный анализирует противоречивый характер научной и технической рациональностей, их общие и отличительные черты, рассматривая примеры одновременного использования их в своей деятельности учеными и инженерами. Исследователь отмечает, что вследствие высокого темпа жизни «различия между технической и научной рациональностью порою трудно отличить». [3].

Данное исследование направлено на выявление современных тенденций в развитии и функционировании постнеклассической рациональности, а именно ее социальный аспект. Для реализации поставленной цели необходимо рассмотреть взаимосвязь научной, технической, технологической и социальной рациональностей.

Длительное время природные процессы и развитие общества были стихийными, без управления со стороны человека. Переход к продуктивным формам деятельности (земледелие, ремесленничество и др.) и социализация природы засвидетельствовали, что человек осознал себя как носителя разума, таким образом, благодаря ему исследует и перестраивает иррациональные основы своего существования. Человеческий разум, познавая и осваивая законы развития природы и общества, с помощью рационализации всех сфер жизнедеятельности общества пытается упорядочить иррациональные основы своего существования.

Современный тотальный процесс рационализации природной и социальной сфер уходит своими истоками в Античность. Уже древнегреческие рационально-теоретические доктрины создали своеобразный фундамент для науки Нового времени (XVII–XVIII вв.), а она, в свою очередь, для западноевропейской рациональности и в целом для техногенной цивилизации.

За два последних века цивилизационного развития на основе научной рациональности произошли радикальные изменения в природе и во всех сферах жизнедеятельности индивидуума и общества. К тому же сама научная рациональность претерпела изменения: кроме классического типа научной рациональности, утвердились неклассический та постнеклассический типы рациональности.

В развитии рациональности наметились еще две тенденции: первая – это появление новых форм рациональности, таких как техническая и технологическая; вторая – это синергия прежде всего таких форм рациональности как научная, техническая, технологическая, экономическая и социальная. Следствием такого синтеза стало появление синтетической рациональности в форме техногенной рациональности. Философская рефлексия новых форм рациональности и их синергии значительно отстают от реальной практики их функционирования. Поэтому следует учесть, что «спасительную силу рефлексии невозможно заменить распространением

технически применимого знания» [16, с. 135]. Таким образом, перед философами было поставлено важное задание – рассмотреть рациональность в рамках синергетического подхода.

Индустриальный способ производства и жизнедеятельности превратил индивидуума в составляющую своей технотрактуры: «Такой человек уже не устремляет свой ум или свою волю на то, чтобы жить самобытной жизнью, самостоятельно полагать ее высшие смыслы и цели. Напротив, он принимает и предметы обихода, и нормы жизни такими, какими их навязывают ему рациональное планирование и рациональная организация индустриального общества» [1, с. 69]. Для современного человека становится естественным самовключение в техническую организацию производства и жизнедеятельности, подчинение ее нормам, установкам, ценностям.

Исследуя общественную жизнь, социальную организацию общества, социальная рациональность разрабатывает методологию для описания, объяснения и понимания процессов создания и функционирования общества и техники, исследования влияния технологий на социальную реальность. Анализ социальной динамики и устойчивости относительно технической реальности (техносферы) направлен на продуцирование социального проектирования технического мира, обоснования необходимости изменений в направлении достижения тех или иных социальных параметров. Соответственно социальная рациональность приобретает черты технико-технологической рациональности, которая определяет создание, тиражирование и функционирование технических объектов в обществе, оптимизирует участие всех форм технической деятельности в социальных процессах, накладывая на них свой отпечаток. Трансформация социального в техносотциальное проявляется в таких феноменах как социально-техническая реальность, социально-техническое взаимодействие, социально-техническая система, социально-техническая структура («технотрактура» – Дж. Гелбрейт), социально-техническая организация, социально-технические потребности, интересы, ориентации, ценности, техносотциализация и социально-техническая активность.

Синтез социальной и технической рациональности способствовал появлению социальных технологий, которые призваны рационально организовать социальные процессы. Под социальной рационализацией в данном случае понимают «возможность экономии затрат времени, труда, энергии, людских и материальных ресурсов» [8, с. 22]. Эффективность в данном случае трактуется исключительно экономико-технологическим образом в смысле уменьшения себестоимости. Социальная рационализация – это длительный процесс изменения общественных структур, ее скрытая цель – поддерживать объективно устаревшее правление, находить новые формы правления путем обращения к техническому императиву. Рациональность имманентно представляет собой рациональность распоряжаться и господствовать.

Авторитетный философ современности представитель Франкфуртской школы Ю. Хабермас, разрабатывая теорию коммуникативного действия, вводит понятие коммуникативной рациональности. Именно она призвана противостоять формальным рациональностям: научной и технической. Формальную рациональность философ называет «ополовиненным разумом». Возникнув в теоретической сфере, научная рациональность приобрела в сциентистской культуре всеобъемлющий смысл, а вместе с технической рациональностью стала практикой жизни. Этот всеобъемлющий разум превратился в инструментальный. В нем были нивелированы первоначальные смыслы и ценности рациональности, которые ориентировались на человека, его духовные потребности. Ю. Хабермас, как основатель коммуникативной рациональности, отмечал: «вместо того, чтобы полагаться на разум производительных сил, т.е. в конечном счете на разум естествознания и техники, я доверяю производительной силе коммуникации...» [14, с. 83]. Философ ставит перед собой цель выработать теорию социальной рациональности, которая должна опираться не только на знания, науку и технику, но и на гуманитарные факторы: культуру, язык, философию и т. д. Новая рациональность в коммуникативной теории ориентирована на синтез разнообразных форм знания с разными формами культуры. Решающее значение имеет коммуникация, которая выступает не только как форма общения, но и как способ существования современного мира. Коммуникация в современном глобализованном техногенном мире приобретает философский смысл.

Технические и технологические инновации всегда ведут к социальным трансформациям, которые преимущественно имеют побочные эффекты, как желательные, так и нежелательные последствия, которые в свою очередь детерминируют другие социальные процессы. Современный французский философ Б. Латур, перефразировав метафору Архимеда на современный лад, утверждает: «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир». Он пытается выяснить, как с помощью науки, техники и технологии трансформируется общество: изменяются его состав, структура, отношения, заинтересованность общества в целом либо же отдельных индивидов (инвесторов) в определенных продуктах науки, техники и технологии, цели и ценности современного общества. Б. Латур рассматривает эту трансформацию на примере деятельности научной лаборатории, возглавляемой микробиологом Луи Пастером в Эколь Нормали (Франция). Объект исследования лаборатории Л. Пастера – микроб сибирской язвы, который ученый из «невидимого» делает «видимым», вследствие чего происходит трансформация общества. Путем лабораторных практик меняются отношения в обществе: между микробами и животными, фермерами и животными, ветеринарами и фермерами, ветеринарами и учеными и т. д. Ученые-экспериментаторы приобретают навыки манипулирования новыми самыми разнообразными объектами. Объектами научных лабораторных

исследований выступают не только микроорганизмы, но и электромагнитное поле, эфир, радиоактивность, ген, ДНК и т. д. «Одомашнение микробов» и манипулирование ими «является таким же ремеслом, как и книгопечатание, создание электронных схем, высококлассная кулинария или видеографика» [9, с. 8]. С помощью манипулирования новыми объектами в лабораториях получают новые ноу-хау. Институализация науки, техники и технологии создала условия для распространения лабораторий во все сферы, а точнее, сделала общество лабораторией.

По мнению Б. Латура, «французское общество было трансформировано в некоторых важных аспектах через корректировку, сделанную несколькими лабораториями», в частности, были скорректированы действующие элементы указанной социальной конструкции. [9, с. 13]. Корректировка, а в данном случае уничтожение «микропаразитов позволила макропаразитам (в данном случае фермерам) богатеть и лучше откармливать скот. Таким же образом начинает процветать и остальная часть цепи макропаразитов, т.е. всевозможных сборщиков налогов, ветеринаров, администраторов и землевладельцев, получающих большую прибыль от ставших богаче фермеров» [9, с. 14]. Пример работы научной лаборатории свидетельствует о том, что она приобретает в обществе достаточно силы, чтобы тотально трансформировать состояние многих самых разнообразных сфер и субъектов. В лабораториях продуцируют основные источники новых социальных и политических сил, изменения в отношениях иерархии силы. В современных лабораториях вырабатывают средства корректирования развития и функционирования техногенной цивилизации, «создаются будущие резервуары политической власти... Они корректируют общество и перестраивают его именно посредством своего содержания, которое на первый взгляд кажется не относящимся к делу или слишком техническим» и поэтому не вызывает интереса к анализу [9, с. 29]. Современные лаборатории являются эффективным трансформатором общества, причиной появления новых сил, которые предстоит исследовать социально-гуманитарным, а не только естественным и техническим наукам: «Экспериментальные объекты и процессы, воплощаясь в новых технологиях и в хозяйственных структурах, становятся частью социальной реальности...» [7, с. 301]. Это серьезный вызов современности, который лабораторные практики бросают всему обществу.

Подводя итог нашего исследования, можно с уверенностью отметить, во-первых, что социальная сфера превращается в лаборатории по исследованию и продуцированию научных, экономических и социальных техник и технологий (humanity technology, e-technology, NBIC-технологии и др.), а они, в свою очередь, ориентированы на создание и усовершенствование новых техник и технологий в медицинской, образовательной, культурной, политической и др. сферах.

Во-вторых, что динамическое развитие техники, создание и расширение техносферы, укоренение ее в социальной сфере приводят к тотальной, кардинальной перестройке социокультурной сферы. Традиционные ценности, ориентиры, установки и формы жизнедеятельности теряют свою легитимность, свое существование. Они вынуждены адаптироваться к технико-технологическим новациям. На смену им приходят и функционируют новые техносоциальные ориентиры, ценности, установки и формы жизнедеятельности. Такая трансформация происходит стихийно, осуществляется она вопреки воле индивидов, а для основной общественности является неотрефлексированной, неосознанной. К техногенным трансформациям социума следует отнести: трансформацию продуктивных сил; изменение места и роли человека в технологическом процессе; изменение социальной структуры общества; культурные трансформации, которые тоже имеют техногенную обусловленность.

Список использованных источников

1. Бакиров, В. С. Социальное познание на пороге постиндустриального мира / В. С. Бакиров // *Общественные науки и современность*. – 1993. – №1. – С. 68–77.
2. Беляев, В. А. Антропология техногенной цивилизации на перекрестке позиций / В.А. Беляев. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 416 с.
3. *Бескаравайный, С. С.* Единство и противоречия научной и технической рациональностей / С. С. Бескаравайный // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/b/beskarawajnyj_stanislaw_sergeewich/kjhgjkghgf.shtml. - Дата доступа: 12.11.2015.
4. *Гайденко, П. П.* Античный и новоевропейский типы рациональности: физика Аристотеля и механика Галилея / П. П. Гайденко // *Рациональность на перепутье*. В 2-х кн. Кн. 2. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. – С. 29–64.
5. *Гайденко, П. П.* Введение. Проблема рациональности на исходе XX века / П. П. Гайденко // *Рациональность на перепутье*. Кн. 2. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. – С. 5–28.
6. *Гайденко, П. П.* Научная рациональность и философский разум / П. П. Гайденко. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
7. *Горохов, В. Г.* Технонаука и перспективы развития глобальной цивилизации / В. Г. Горохов // *Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека* / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова; предисл. Г. Л. Белкиной, С. Н. Корсакова. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – С. 296–307.
8. *Колин, К.* Человеческий потенциал и социальные технологии в XXI веке / К. Колин // *Alma Mater*. – 2003. – №6. – С. 18–25.
9. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Б. Латур // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/10.pdf>. - Дата доступа: 21.09.2015.
10. *Степанищев, А. Ф.* Рациональность философии и науки: от классики к постнеклассике: монография / А. Ф. Степанищев. – Брянск: БГТУ, 2006. – 239 с.
11. *Степин, В. С.* Научная рациональность в социокультурном контексте / В. С. Степин // *Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека* / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова; предисл. Г. Л. Белкиной, С. Н. Корсакова. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – С. 273–282.

12. *Степин, В. С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – №10. – С. 7–18.
13. *Фарман, И. П.* Модель коммуникативной рациональности (на основе социально-культурной концепции Юргена Хабермаса) / И. П. Фарман // Рациональность на перепутье. В 2-х кн. Кн. 1. – М.: Российская полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 264–292.
14. *Хабермас, Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас. – М.: АО «КАМІ», Издательский центр АCADEMIA, 1995. – 252 с.
15. *Хабермас, Ю.* Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас // Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. – М.: Праксис, 2007. – С. 50–116.
16. *Хабермас, Ю.* Технический прогресс и социальный жизненный мир / Ю. Хабермас // Техника и наука как «идеология» / Пер. с нем. М. Л. Хорькова. – М.: Праксис, 2007. – С. 117–135.

Сведения об авторах

Гоян Игорь Николаевич – декан философского факультета Прикарпатского национального университета им. Василия Стефаника, доктор философских наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина).

Адрес для корреспонденции: 57, ул. Шевченко, 76018, г. Ивано-Франковск, Украина.

E-mail: ivi1970@mail.ru

Терешкун Оксана Федоровна – докторант кафедры философии и социологии Прикарпатского национального университета им. Василия Стефаника, кандидат политических наук (г. Ивано-Франковск, Украина).

Адрес для корреспонденции: 57, ул. Шевченко, 76018, г. Ивано-Франковск, Украина.

E-mail: eforat@bk.ru

Author`s Data

Goyan Igor Nikolaevich – Dean, Faculty of Philosophy, Vasiliy Stefanyk Precarpathian National University, Doctor of philosophical science, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine).

Address for correspondence: 57, Shevchenko Str., 76018, Ivano-Frankivsk, Ukraine.

E-mail: ivi1970@mail.ru

Tereshkun Oksana Fedorovna – Doctoral Student, Department of Philosophy and Sociology, Vasiliy Stefanyk Precarpathian National University, Candidate of Political Sciences (Ivano-Frankivsk, Ukraine).

Address for correspondence: 57, Shevchenko Str., 76018, Ivano-Frankivsk, Ukraine.

E-mail: eforat@bk.ru

© Гоян И.Н., 2015.

© Терешкун О.Ф., 2015.

Поступила в редакцию 12.12.2015.